

УДК 316.444:374.3(571)«1920/1939»

Социальная мобильность молодежи в системе общего и профессионального образования в 1920–1930-е гг.*

В. И. Исаев

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск

Аннотация. Проблемы социальной мобильности молодежи рассмотрены в статье через призму развития системы общего и профессионального образования в Сибири. Показаны противоречия в осуществлении принятого советским государством курса на продвижение по социальной лестнице детей из семей рабочих и крестьян. Выявлено, что исходно более высокий уровень культуры в семьях интеллигенции и служащих обусловил сохранение высокой доли выходцев из этой среды на верхних ступенях системы образования.

Ключевые слова: молодежь, социальная мобильность, школа, профессиональное образование, студенчество, социальная политика.

В ходе радикальных социально-экономических преобразований, развернувшихся в России в 20–30-е гг. XX в., широкие массы населения были вовлечены в процессы социальной мобильности, протекавшие как в горизонтальном (миграция), так и в вертикальном плане (повышение или понижение социального статуса). Особенно интенсивно в процессы социальной мобильности оказалась вовлечена молодежь.

Проблемы социальной мобильности населения традиционно изучаются в социологической науке. В исторической литературе им уделялось гораздо меньше внимания. Поэтому исследование социальной мобильности населения на различных этапах истории является актуальной научной задачей. В настоящей статье будут рассмотрены возможности и характеристики системы образования в Сибири в 1920–1930-е гг., обеспечивавшие процесс социальной мобильности молодежи.

Наряду с влиянием революции 1917 г., вызвавшей переформатирование социальной иерархии классов и слоев, глубинной основой радикальных изменений являлся развернувшийся в России в первой половине XX в. переход от традиционного аграрного к индустриально-урбанистическому обществу. Необходимой предпосылкой обретения более высокого статуса в социальной структуре индустриального общества являлось достижение определенного уровня образования.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

В 1920-е гг. большинство населения Сибири еще проживало в деревне и вело традиционный образ жизни. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Сибири насчитывалось 11 млн 24 тыс. чел., из них в городах – 1 млн 415 тыс., что составляло всего лишь 12,8 % от общего состава населения. По данным переписи в 1939 г., доля городского населения выросла до 31,3 % [8, с. 35].

Формирование и развитие индустриально-урбанистического общества, как и соответствующей ему культуры, требовало резкого повышения культурного уровня населения Сибири. Прежде всего молодежь в процессе социализации в изменившихся условиях должна была существенно продвигаться по сравнению с предшествующими поколениями в освоении духовной культуры и в получении образования.

Молодежь в Сибири являлась довольно многочисленной группой населения. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., молодые люди в возрасте от 15 до 29 лет составляли около 28,3 % в общем составе населения макрорегиона. В связи с разделением Сибирского края на ряд административно-территориальных единиц доля молодежи в составе населения макрорегиона в целом в материалах Всесоюзной переписи населения 1939 г. не определялась. Но на основе данных о населении областей и краев Сибири можно сделать вывод о том, что она не изменилась существенно, хотя и несколько снизилась. Так, в Новосибирской области молодежь составила 27,1 % населения, в Алтайском крае – 26,0 %, в Омской области – 25,4 % [5, с. 22, 41].

В отличие от традиционного аграрного общества, в котором будущее большей части молодежи было связано с деревней, в рассматриваемый период в Сибири явно обозначились новые тенденции социальной мобильности, в частности перемещение молодежи из села в город. В результате этого в городах Сибири более высокой оказывалась доля молодежи по сравнению с составом сельского населения. По переписи населения 1926 г., в составе горожан люди в возрасте от 15 до 29 лет составляли 32,9 %, по переписи 1939 г. – 32,3 %.

Особенно высокой была доля молодежи в индустриальных центрах. Это было обусловлено как интенсивным пополнением рабочего класса за счет миграции сельской молодежи, так и развитием сети учреждений среднего и высшего профессионального образования. Так, в быстро растущих городах Кузбасса – Кемерове, Новокузнецке, Прокопьевске, Ленинске-Кузнецком – доля населения в возрасте от 15 до 29 лет достигала от 36 до 38 % [5, с. 43].

К началу рассматриваемого периода культурный уровень российской молодежи был невысоким. Большинство подростков в лучшем случае имело образование в объеме начальной школы. Часть молодежи не получала вообще никакого образования, сохранялся значительный слой неграмотных. По оценке ЦК ВЛКСМ, в первой половине 1920-х гг. около половины российской молодежи можно было отнести в разряд неграмотных и малограмотных. Особенно это касалось девушек, среди которых неграмотность была вдвое выше, чем среди юношей. При этом надо учитывать, что Сибирь существенно отставала от центральных районов страны по уровню культуры населения. Например, в первой половине 1920-х гг. в Ленинградской губернии неграмотность среди молодежи 14–24 лет составляла 10,8 %, в Московской –

17,7 %, в Тульской и Рязанской губерниях – около 38,0 %. А в такой не самой отдаленной сибирской губернии, как Тюменская, неграмотность молодежи достигала почти 65,0 % [4, с. 29]. По итогам призыва в Красную армию в Сибирском крае в 1924–1926 гг. среди юношей, родившихся в 1903 г., более четверти оказались неграмотными, среди юношей 1904 г. рождения – 19,6 %, среди родившихся в 1905 г. – 17,7 % [1, с. 83]. Уровень образования остальных ограничивался двумя – тремя классами начальной школы. В таких условиях значительная часть молодежи Сибири, начинавшая свой трудовой путь в роли неграмотных или малограмотных работников, имела слабые шансы на повышение социального статуса.

Повышение уровня образования населения являлось одной из главных забот советского государства. Среди задач строительства нового социалистического общества в России культурная революция занимала важнейшее место. При этом наряду с созданием идеологически детерминированной «социалистической» культуры ставилась задача резкого подъема общего и профессионального образования населения.

Важным институтом и каналом социальной мобильности молодого поколения в индустриальном обществе является школа. Однако в начале рассматриваемого периода молодежь Сибири была слабо вовлечена в систему школьного образования. Причинами такого положения стали низкий уровень жизни населения, вынуждавший подростков рано начинать трудовую деятельность, и недостаточное развитие сети школ в Сибири. В 1927/28 учебном году охват детей начальным обучением составил только 62,0 %. Правда, как положительный момент можно отметить, что он увеличился почти вдвое по сравнению с 1924/25 учебным годом [13].

Гораздо выше была доля не посещавших школу среди детей старшего школьного возраста. По данным Сибирского краевого отдела образования (СибОНО), средняя продолжительность обучения учащегося в школе в 1927–1928 гг. составляла всего 2,24 года [10].

Развитие сети школ так называемого повышенного образования – школ второй ступени, фабрично-заводских семилеток (ФЗС), школ крестьянской молодежи (ШКМ) и других – в отличие от начальной школы (тогда она называлась школой первой ступени) шло медленными темпами, поскольку главной задачей того времени была ликвидация неграмотности и введение всеобщего начального обучения. В 1923/24 учебном году в Сибири насчитывалось только 305 школ повышенного типа [7, диаграмма 2].

Работники просвещения Сибири выказывали серьезное беспокойство по поводу слабого развития сети школ повышенного образования. Отмечалось, что доля учеников старших групп в общем количестве учащихся ниже допустимых пределов. В 1927/28 учебном году она составляла в среднем по Сибири 11,0 %, тогда как по норме Наркомпроса должна была быть не менее 12,5 % [2, с. 109]. Еще тревожнее было положение в сельской местности Сибири. Число учеников старших групп здесь составляло всего 4,7 % от общего количества учащихся [6, с. 29].

Сибирские краевые органы народного просвещения мобилизовали все ресурсы на развитие сети школ повышенного образования. Сеть сибирских школ повышенного типа с 373 в 1926/27 учебном году повысилась до 431 в 1927/28 учебном году [2, с. 108].

В начале 1930-х гг. с введением всеобщего начального обучения основная масса детей оканчивала начальную школу. Однако продолжение обучения для получения среднего образования могла себе позволить только меньшая часть сибирской молодежи. В 1933 г. в сельской местности продолжили обучение в пятом классе только 30,0 % выпускников начальной школы. В конце 1930-х гг. уже до 80,0 % городских и примерно половина сельских школьников переходили из начальной школы в среднюю, что существенно улучшало их шансы на повышение социального статуса.

Политика советского государства в это время была направлена на то, чтобы обеспечивать преимущественные возможности представителям «трудящихся классов» для продвижения по социальной лестнице. Однако изначальный неодинаковый уровень культуры и образования, характерный для разных слоев общества, давал преимущество молодежи, происхождение которой советская власть определяла как «социально чуждое». В результате по мере продвижения по ступеням образования резко снижалась доля детей рабочих и крестьян среди учащихся.

Сибирский статистик А. Локтин в статье «Классовое лицо нашей школы» провел анализ того, как менялся состав учащихся в школах Сибири по мере продвижения к среднему образованию. Если в городских школах первой ступени в конце 1920-х гг. дети рабочих составляли 47,4 %, а дети служащих – 22,7 %, то в школах второй ступени это соотношение резко менялось: здесь дети служащих составляли 44,0 %, а дети рабочих – только 28,9 %.

Такой же процесс шел и в сельских школах. Если в школах первой ступени дети служащих составляли только около 5,0 %, а дети крестьян – примерно 95,0 %, то в школах второй ступени доля детей служащих возрастала до 27–28 % и соответственно сокращалась доля крестьянских детей [11, с. 67].

В исследуемое время для подготовки молодежи Сибири к трудовой деятельности создавалась система профессионального образования. Она эффективно обеспечивала процесс социальной мобильности молодежи, совмещая общее образование с приобретением профессии, востребованной в условиях индустриального общества. В городе организовывались школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), более высокий уровень профессиональной подготовки обеспечивали школы горно-промышленного ученичества (Горпромуч); в деревне – школы крестьянской молодежи. Организация фабрично-заводских школ и училищ в Сибири началась еще в первой половине 1920-х гг. В 1925/26 учебном году в Сибири действовало уже 85 учебных заведений профессионального образования, в том числе 23 школы ФЗУ [9, с. 91].

В ФЗУ обучались молодые люди, имевшие, как правило, начальное образование. Получение неполного среднего образования, совмещенного с профессиональной подготовкой, обеспечивали школы фабрично-заводской семилетки. В 1928/29 учебном году в Сибири было открыто 10 школ ФЗС [12, с. 144].

В 1928 г. в Сибири действовало 36 школ ФЗУ, в которых училось около 5 тыс. подростков. По данным на начало 1930 г., в школах ФЗУ обучалось 5,6 тыс. подростков, по социальному составу около 80,0 % из которых являлись детьми рабочих [14]. Школы ФЗУ в Прокопьевске, Сталинске, Кемерове, горно-промышленное училище Новосибирска в 1932 г. вошли в число победителей Всесоюзного соревнования среди школ ФЗУ [15].

С 1930 по 1933 г. в школах ФЗУ было подготовлено около 11 тыс. рабочих различных профессий [3, с. 109]. В 1935 г. в сибирском макрорегионе действовало около 70 школ ФЗУ, в которых обучалось не менее 9 тыс. подростков. Только в Западно-Сибирском крае в 1937 г. действовало 35 школ ФЗУ, в которых обучалось 6 465 учащихся, в том числе 1 119 девушек [16].

Школы ФЗУ были для молодых людей надежным путем для включения в ряды рабочего класса. Они рассматривались городской и сельской молодежью в качестве одного из популярных вариантов начала социальной карьеры. Так, данные о наборе в 1937 г. в школу горпромуча Прокопьевска показывают, что при плане набора в 480 человек было подано 760 заявлений. Правда, не все кандидаты отвечали предъявляемым требованиям иметь образование в объеме семилетки. Реально было принято только 442 подростка. Причем из них образование в объеме семилетки имели только 185 человек, окончили шесть групп (классов) – 150 человек, пять групп – 87 человек, меньше пяти групп – 20 человек. Поэтому школа смогла набрать только 92,0 % от запланированного набора [16].

По социальному составу примерно половину учащихся в большинстве школ ФЗУ составляли дети рабочих. Но в 1930-е гг. все более значительную часть учащихся, достигавшую в некоторых училищах до половины состава, стали составлять деревенские ребята. Поступление в ФЗУ для сельского подростка одновременно являлось началом процесса восходящей социальной мобильности, так как обеспечивало переход в ряды рабочего класса, занимавшего в структуре общества более высокие позиции по сравнению с крестьянством. Доля детей из семей служащих и технической интеллигенции в составе учащихся колебалась от 5,0 до 10,0 %.

Наиболее существенной предпосылкой, гарантировавшей изменение социального статуса для выходцев из семей рабочих и крестьян, являлось получение среднего специального и высшего образования. В середине 1920-х гг., как показывают данные о социальном составе студентов сибирских техникумов и вузов, в систему профессионального среднего и высшего образования попадала преимущественно молодежь из культурных и материально обеспеченных слоев населения. Так, по данным сибирских вузов, в 1926 г. около 56,0 % студентов являлись представителями семей работников умственного труда.

По данным А. Локтина, в 1928–1929 гг. из 1 070 выпускников сибирских вузов не менее 50,0 % по социальному происхождению были служащими, 21,8 % – рабочими, 21,8 % – крестьянами, 5,8 % – прочими [1, с. 66]. Такое положение решительным образом не устраивало партийные и комсомольские органы, стремившиеся продвинуть в систему высшего образования выходцев из рабочих и крестьян.

На практике дети рабочих и крестьян чаще довольствовались начальным образованием и рано начинали свою трудовую деятельность. Тем не менее взятый советским государством курс на «пролетаризацию» состава студентов постепенно приносил свои результаты: доля служащих среди учащихся сибирских техникумов и вузов за годы первой пятилетки существенно снизилась [табл. 1, 2].

Таблица 1

Социальный состав студентов техникумов в Сибири
(в % от общего числа)*

Годы	Рабочие	Крестьяне		Служащие	Прочие
		колхозн.	некоопер.		
1926–1927	25,2	22,8		45,9	6,1
1929–1930	40,5	4,7	22,2	27,0	5,6
1931–1932	43,2	22,5	13,2	17,5	3,6

* Сибирская Советская энциклопедия. Т. 3. С. 655.

Данные таблиц показывают, что тенденция изменения социального состава студенчества в сторону увеличения доли рабоче-крестьянской молодежи наметилась вполне определенно. Такая тенденция подкреплялась протекционистской политикой государства, регулярно устраиваемыми чистками состава студентов от «социально чуждых элементов».

Таблица 2

Социальный состав студентов вузов в Сибири (в % от общего числа)*

Годы	Рабочие	Крестьяне		Служащие	Прочие
		колхозн.	некооп.		
1929–1930	30,3	0,9	19	46,5	2,9
1931–1932	55,7	4,9	8,9	28,3	2,2

* Сибирская Советская энциклопедия. Т. 3. С. 655.

Правда, стоит отметить, что данные табл. 1 и 2 показывают социальный состав студенчества в целом. Но значительная часть выходцев из рабоче-крестьянской среды отсеивалась в ходе обучения, не дойдя до получения диплома. Например, среди принятых в вузы Томска в 1932 г. доля выходцев из семей работников умственного труда составляла 23,0 %, а среди окончивших в 1937 г. она повысилась до 39,0 %.

«Пролетаризации» студенчества активно способствовали открывавшиеся в 1920-е гг. рабочие факультеты при вузах Омска, Томска, Иркутска и других сибирских городов. На 1 ноября 1929 г. на рабфаках сибирских вузов училось 2 469 человек, из них рабочие составляли, как минимум 60,0 %, крестьяне – 20,0 %, батраки – 15,0 %, служащие – 2,4 %, прочие – 0,9 % [11, с. 67].

Кроме того, для уже работавших молодых людей, которые стремились повысить уровень образования, в 1930-е гг. стали организовываться школы вечернего обучения. В течение 1934–1937 гг. была создана система вечернего обучения, в которой молодежь могла получить аттестат о среднем (полном

или неполном) образовании. В 1937 г. в Западно-Сибирском крае действовало 52 вечерних школы, в которых обучалось около 10 тыс. учащихся [17].

Развитие индустриализации Сибири требовало все большего количества специалистов со средним специальным и высшим образованием. Если в 1927/28 учебном году численность студентов в вузах Сибири составляла всего лишь 6,9 тыс. человек, то к 1936 г. она достигла 25,6 тыс. Обучение в вузе для выходцев из семей рабочих и крестьян закладывало основу для перехода в более высокий в социальном плане слой интеллигенции.

Число учебных заведений среднего и высшего профессионального образования росло быстрыми темпами. На 1 января 1938 г. только в Новосибирской области действовало 45 техникумов, в которых училось 12 221 человек. Кроме того, на территории области работало 14 вузов и втузов, в которых училось 11 108 чел. [18].

Приведенный фактический материал позволяет сделать вывод о том, что развитие системы общего и профессионального образования являлось основой для активизации социальной мобильности молодежи. Получение определенного уровня школьного образования, приобретение профессии в училищах, техникумах и вузах обеспечивали молодым людям, особенно выходцам из рабоче-крестьянской среды продвижение по социальной лестнице.

Социальная политика советского государства, направленная на повышение культурного уровня широких масс и создание новой интеллигенции, активно способствовала процессу восходящей социальной мобильности рабочей и крестьянской молодежи Сибири. Однако доля выходцев из семей интеллигенции и служащих среди выпускников школ, техникумов и вузов, благодаря более высокому исходному уровню культуры, оставалась традиционно высокой.

Процессы высокой социальной мобильности молодежи заложили основы формирования социальной структуры индустриально-урбанистического общества, в которой статус человека определялся не его происхождением, а зависел от собственных усилий в области образования и труда.

Список литературы

1. Гальперин А. Комсомол Сибири / А. Гальперин. – Новосибирск, 1930.
2. Два года работы Сибкрайисполкома Советов. 1927–1928. – Новосибирск, 1929.
3. Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Западной Сибири за первое пятилетие (1928–1932 гг.). – Новосибирск, 1934.
4. Ликвидация неграмотности и малограмотности среди молодежи. – М. ; Л., 1925.
5. Население Западной Сибири в XX в. – Новосибирск, 1997.
6. Отчет Сибкрайисполкома Советов Совнаркому РСФСР. – Новосибирск, 1927.
7. Состояние просвещения в Сибирском крае. – Новосибирск, 1928.
8. Урбанизация советской Сибири. – Новосибирск, 1987.
9. Просвещение Сибири. – 1927. – № 3.
10. Просвещение Сибири. – 1929. – № 11.
11. Просвещение Сибири. – 1930. – № 7–8.
12. Статистика Сибири. – 1930. – Вып. 2. – С. 144.
13. ГАНУ. Ф. р-61. Оп. 2. Д. 12. Л. 79.

14. ГАНО. Ф. п-189. Оп. 1. Д. 252. Л. 23–26.
15. ГАНО. Ф. п-189. Оп. 1. Д. 531. Л. 331–347.
16. ГАНО. Ф. п-189. Оп. 1. Д. 1209. Л. 30.
17. ГАНО. Ф. п-189. Оп. 1. Д. 1209. Л. 21.
18. ГАНО. Ф. п-190. Оп. 1. Д. 9. Л. 60.

Social Mobility of the Youth of Siberia in the System of General and Professional Education in the 1920s–1930s

V. I. Isaev

Institute of History SB RAS, Novosibirsk

Abstract. The article considers the problems of social mobility of the youth through the development of the system of general and professional education in Siberia. The author reveals the contradictions in the implementation of the soviet policy towards social mobility of children from workers' and peasants' families. The author emphasizes that the higher level of culture in the families of intellectuals and employees enabled high rate of descendants of that environment at the top of the educational system.

Keywords: youth, social mobility, school, professional education, students, social policy.

Исаев Виктор Иванович

*доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Институт истории СО РАН
630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
тел.: 8(913)933-84-72
e-mail: history49@mail.ru*

Isaev Viktor Ivanovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Chief Researcher
Institute of History SB RAS
8, Nikolayev st., Novosibirsk, 630090
tel.: 8(913)933-84-72
e-mail: history49@mail.ru*